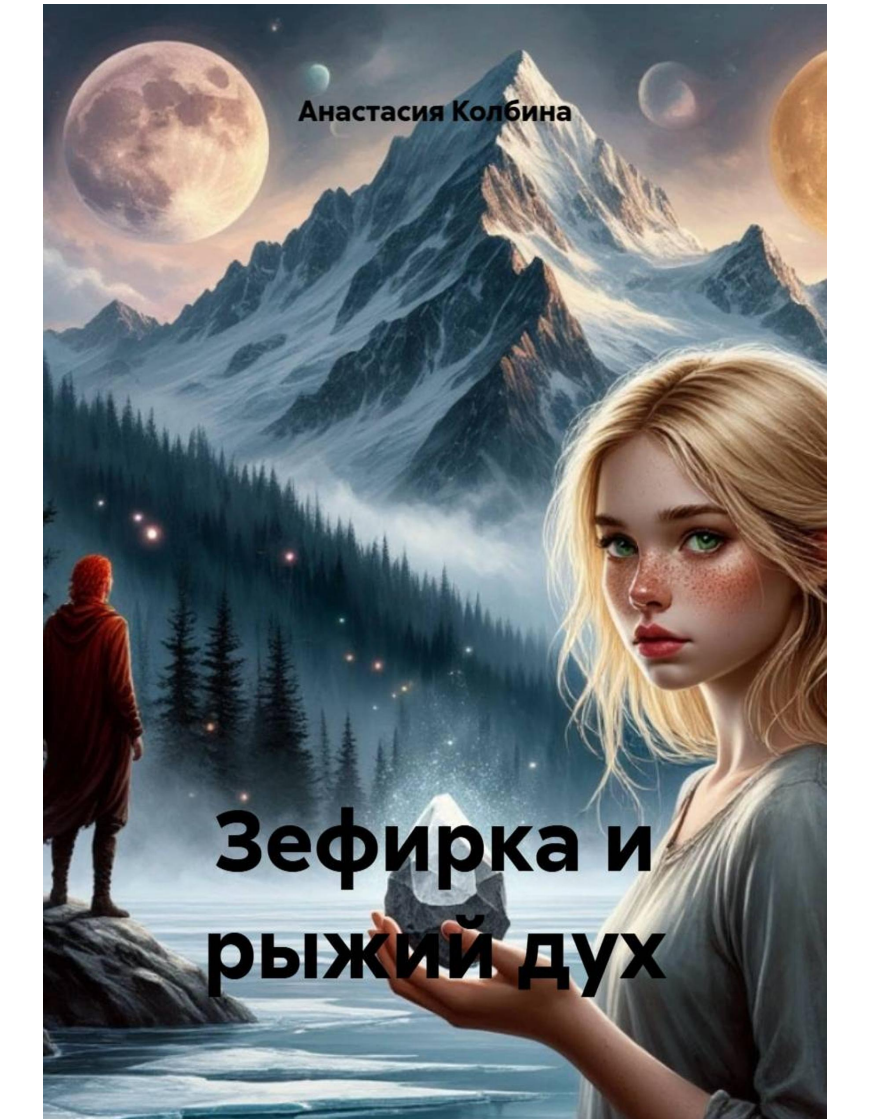

Анастасия Колбина

Зефирка и рыжий дух

Анастасия Колбина

Зефирка и рыжий дух

<https://litres.ru/74296108>

SelfPub; 2026

Аннотация

Катя — обычная школьница из небольшого города. Друзья, экзамены, бесконечные споры о том, кем стать: визажистом или бухгалтером. Но однажды осенним утром она встретила его. Высокого рыжего парня с зелёными глазами, от взгляда которого замирает сердце. Савелий — не просто красавчик с гитарой. Он — дух. Дух контроля разума. И теперь Катя оказалась в центре опасной игры между мирами, где на кону её любовь, дружба и жизнь. Сможет ли она сохранить себя и спасти тех, кто ей дорог? Или выбор, который ей предстоит сделать, навсегда изменит всё?

Содержание

Глава 1 Октябрь. Кофе. Котенок.	4
Глава 2 Рыжий взгляд	12
Глава 3 Сообщение или объяснение	21
Глава 4 Все скрытое, станет явью	31
Глава 5 Первое декабря	38
Глава 6 Новый год, новые проблемы	46
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анастасия Колбина

Зефирка и рыжий дух

Глава 1 Октябрь. Кофе. Котенок.

За окном было серо.

Не просто пасмурно, а по-октябрьски тоскливо: низкое небо давило на крыши, мелкий дождь рисовал на стекле размытые дорожки, а ветер срывал с деревьев последние жёлтые листья.

Катя сидела на подоконнике с чашкой уже остывшего чая и смотрела в окно уже двадцать минут. Но не на погоду.

«Куда я вообще хочу поступать?» — эта мысль преследовала её каждое утро, каждый урок и каждый раз, когда мама за ужином говорила: «Катя, ну определись уже».

Вчера она три часа смотрела видео про визаж на YouTube. Сегодня утром — пролистала сайт колледжа с бухгалтерским уклоном. А потом случайно наткнулась на парикмахерское портфолио и зависла на двадцать минут.

«Парикмахер? — думала она, крутя в руках расчёску. — Я же вечно крашусь, люблю экспериментировать с волосами... но бухгалтер — это стабильно. Деньги. Хотя... скучно же. А визажист — это творчество, но неизвестность. И кто меня возьмёт без портфолио?»

Она вздохнула так глубоко, что чуть не сдула шторы.

— Опять страдаешь? — в дверях нарисовался Максим.

Катя обернулась. Высокий, темноволосый, с карими глазами, которые смотрели на мир с лёгким превосходством. В руке — уже собранный рюкзак, идеально ровная форма, и даже волосы уложены так, будто он репетировал перед зеркалом час.

— Не страдаю, — буркнула Катя. — Думаю.

— О чём? О том, что до школы пятнадцать минут, а ты даже не оделась?

— О будущем, Макс. О судьбе. О призвании.

Максим закатил глаза.

— Ты вчера говорила, что хочешь быть визажистом. Позавчера — парикмахером. В среду — бухгалтером.

— А что плохого? Я разносторонняя личность, — обиженно поджала губы Катя.

— Ты не можешь решить, что тебе ближе: помада или отчёты. Это разные миры, Кать.

— А если я хочу и то, и другое? — она наконец слезла с подоконника. — Представь: днём я считаю налоги, а вечером делаю «смоки айс» на девушках из соседнего подъезда.

— Представил. Выглядит странно, — Максим поправил очки. — Ладно, я пошёл. У меня олимпиада по физике, я не опоздаю.

— А я и не прошу тебя ждать, мистер отличник, — фыркнула Катя, но без злобы.

Он ушёл. Она осталась.

Катя подошла к зеркалу. Блондинка с веснушками, серыми глазами и стройной фигурой. Сегодня она решила не прятать веснушки — пусть. Тональный крем лег тонким слоем, румяна — тёплые, почти персиковые, тени — нейтральные, блеск для губ — с запахом ванили.

«Нежный макияж, — решила она. — Как облачко. Или как зефирка».

Она надела любимый свитер мягкой шерсти (бежевый, который делал её похожей на маленького хомячка), джинсы, белые кроссовки — и поняла, что готова.

Хотя бы к школе. Не к будущему.

На выходе из подъезда её уже ждали.

— Я вообще не поняла этот тренд с огромными худы, — говорила Лена, сидя на скамейке и листая телефон. — Ну серьёзно, зачем тебе кофта размером с палатку? Ты в ней теряешься, как муравей в стогу сена.

— Доброе утро, — улыбнулась Катя.

Лена подняла голову. Косички, веснушки (тоже, но чуть темнее), ярко-розовый пуховик — её было видно за километр.

— О, живая. Слушай, а как тебе такое: длинная юбка с кроссовками? — Лена показала фотку в телефоне.

— Норм, если юбка не в пол, — Катя прищурилась. — А если в пол — ты будешь похожа на монашку, которая решила заняться бегом.

— Ай, точно. Кстати, а твой свитер — это с прошлогодней коллекции?

— А тебя кто-то спрашивал? — беззлобно парировала Катя.

— Подруга должна говорить правду, — Лена подмигнула и вдруг посмотрела в сторону. — О, а Дима уже идёт.

Они обе замолчали.

Дима. Парень из их класса. Первый красавчик школы — это не просто громкие слова, это медицинский факт. Высокий — Кате даже на цыпочках приходилось тянуться, чтобы дотянуться до его плеча. Тёмные волосы, аккуратно уложенные. Глаза — цвета горького шоколада. И улыбка, от которой у половины девчонок в школе подкашивались колени.

Он шёл быстрой, но плавной походкой — и в руках у него был...

— Это что? — выдохнула Лена.

— Котёнок, — тихо сказал Дима, подходя ближе.

Маленький, грязный, дрожащий комочек серой шерсти. Котёнок сжимался в его ладонях и испуганно пищал.

— Я шёл через дворы, — начал Дима, опускаясь на корточки, чтобы показать. — А там три собаки. Большие. Я сначала подумал, что они просто играют. А потом услышал писк.

— И ты... — Катя не договорила.

— Я отогнал их, — Дима пожал плечами, как будто это было очевидно. — Камнем кинул, закричал. Они убежали. А

этот малыш сидел в луже, дрожал. Не мог же я его бросить.

Лена и Катя переглянулись.

— Ты вообще знаешь, как обращаться с котёнком? — спросила Лена с лёгкой усмешкой. — Он же маленький совсем.

— Нет, — честно признался Дима. — Но я сообразил. У меня куртка тёплая, я его завернул. Он почти перестал дрожать. Слышишь, как мурчит? Прямо на ладони.

И правда — из свертка донёсся тихий, надрывный, но живой звук.

— Господи, какой он милый, — выдохнула Катя и, забыв про макияж, про школу, про бухгалтеров и визажистов, протянула руку. — Дай посмотреть.

Дима аккуратно передал котёнка. Катя взяла его в ладони — тёплый, лёгкий, с огромными голубыми глазами. Котёнок посмотрел на неё и вдруг чихнул.

— Ой, — Катя улыбнулась. — Будь здоров.

— А что ты с ним сделаешь? — спросила Лена, глядя то на котёнка, то на Диму. — В школу с ним?

— А куда его? — Дима вздохнул. — Домой далеко идти, я опоздаю. А если оставить — замёрзнет. Или собаки снова придут.

— Ты серьёзно? — Лена прищурилась. — С котёнком на уроки?

— А что такого? — Дима спокойно взял котёнка обратно, завернул в край своей куртки. — Спрячу под парту. Он ти-

хий. Не выдаст.

— Тебя застукают, — сказала Катя, но без уверенности.

— Не застукают. Я первый красавчик школы, мне можно, — Дима улыбнулся той самой улыбкой, и Катя вдруг поняла, почему девчонки теряют дар речи.

— Наглость — второе счастье, — фыркнула Лена, но встала со скамейки. — Ладно, пошли, а то опоздаем. Только если твой котёнок запищит на литературе — я не буду врать, что это у меня живот урчит.

— Договорились, — Дима кивнул.

Они двинулись к школе втроём — и одним крошечным котёнком в придачу.

Катя шла и думала.

«Дима спас котёнка. Дима, которого все считают просто красивой картинкой, — рисковал, кидался камнями на собак. И теперь несёт это чудо в школу, под курткой. Какой же он...»

Она не закончила мысль.

— А мы с Леной вчера про тренды говорили, — вдруг сказала она, чтобы заполнить паузу. — Лена считает, что огромные худи — зло.

— Это не зло, это комфорт, — ответил Дима, не глядя. — Ты просто не понимаешь.

— Я всё понимаю. Просто в таком худи ты похож на мешок картошки.

— А ты на маленькую зефирку, — парировал Дима, и Ка-

тя не поняла, комплимент это или подкол.

Она покраснела. К счастью, веснушки маскировали румянец.

— Кстати, Кать, — Лена взяла её под руку. — Ты решила, куда поступать?

— Ой, не начинай, — простонала Катя. — Я вчера полдня смотрела про визаж. А утром залипла на бухгалтерские курсы.

— Бухгалтер? Ты? — Лена рассмеялась. — Ты же цифры ненавидишь.

— Я ненавижу школьные цифры. А бухгалтерские — это взрослые цифры, с ними интереснее, — неуверенно сказала Катя.

— Звучит как «я не знаю, что выбрать», — заметил Дима, поправляя котёнка под курткой.

— А ты знаешь? — огрызнулась Катя.

— Я в МИФИ хочу, на программиста. Давно знаю, — спокойно ответил он.

Катя замолчала.

«Все знают. И Максим знает. И Дима знает. И даже Лена, которая вообще не учится, вроде бы в колледж на дизайнера собралась. А я... парикмахер? Визажист? Бухгалтер? Или открыть свой салон? Или...»

Она запуталась окончательно.

— Ладно, — вздохнула она. — На этой неделе я точно решу.

— Ты так же говорила на прошлой, — хором сказали Лена и Дима.

— Вы невыносимы, — буркнула Катя, но без злобы.

Они подошли к школе. Серое здание, мокрые ступеньки, запах корицы из буфета.

— Главное, чтобы котёнок не пищал, — прошептала Лена.

— Главное, чтобы его никто не нашёл, — ответил Дима и прижал свёрток к груди.

Катя посмотрела на него — на этого высокого парня, который несёт под курткой спасённую жизнь — и вдруг поймала себя на мысли, что смотрит слишком долго.

Глава 2 Рыжий взгляд

Школа наконец-то отпустила их.

Шесть уроков, две контрольных, один едва не застуканный котёнок (Маргарита Павловна странно принималась к Диме, но списала всё на «эти ваши духи») — и вот они втроём стоят на крыльце. Свежий ветер треплет волосы, октябрьское солнце робко выглядывает из-за туч.

— Я сейчас лопну от любопытства, — Лена схватила Диму за рукав. — Покажи котёнка нормально! В школе я боялась, что он выпрыгнет и нас всех рассекретит.

Дима осторожно расстегнул куртку.

Из-за пазухи выглянула маленькая серая мордочка с огромными голубыми глазами. Котёнок осмотрелся, чихнул и снова спрятался.

— Ой, ну какой же, — Катя присела на корточки, заглядывая Диме за пазуху. — Глаза как две монетки.

— Ему нужно имя, — сказал Дима. — Я не могу называть его «котёнок» всю жизнь.

— А ты решил его оставить? — удивилась Лена.

— А куда я его дену? — Дима пожал плечами. — Обратнo к собакам?

— Мама разрешит? — спросила Катя.

— Мама сама в детстве кошек приносила. Так что да, — он погладил котёнка по голове одним пальцем. — Итак,

кличка. Ваши варианты.

— Серая Шейка, — сразу выдала Лена.

— Это утка, — вздохнул Дима.

— А какая разница? Мило же.

— Грей, — предложила Катя. — Серый же.

— Банально, — отмахнулась Лена. — Давай что-то с историей. Например... Пушок.

— Он не пушистый, он гладкий, — возразил Дима.

— Смоки, — Катя оживилась. — Как дымка. Он же серый, как туман.

Дима задумался.

— Смоки... Неплохо.

— Смоки! — громко позвала Лена, и котёнок высунул мордочку. — Смотри, отзывается!

— Он просто испугался твоего крика, — улыбнулась Катя.

— Принято, — решил Дима. — Пусть будет Смоки.

Он снова запахнул куртку, и они двинулись в сторону Лениного дома. Предстояло делать дурацкий проект по обществузнанию: три человека, два ноутбука, одна презентация и полное отсутствие желания.

Но сначала нужно было пройти через парк.

Старый городской парк в октябре выглядел как декорация к фильму ужасов: голые ветви, мокрые скамейки, дорожки в лужах. Но это был короткий путь к Лениному дому, и они свернули туда, болтая о пустяках.

— А ты решила, куда поступать? — спросила Лена у Кати,

перешагивая лужу.

— А ты? — парировала Катя.

— Я на дизайнера. Твёрдо. А ты всё плаваешь.

— Потому что сложно, — вздохнула Катя. — С одной стороны — творчество. С другой — деньги.

— Выбирай деньги, — сказал Дима. — На творчество всегда можно подрабатывать в свободное время.

— Ты как Максим, — фыркнула Катя. — Всё по полочкам.

— А что плохого?

— Ничего. Противно просто, — она улыбнулась, показывая, что шутит.

Они вышли на главную аллею парка — и вдруг Лена замедлила шаг.

— Смотрите, — шепнула она. — Компания.

Впереди, метрах в двадцати, шли пятеро. Парни и девушки — чуть старше, чуть увереннее, с видом людей, которые знают себе цену. Громко смеялись, кто-то курил, несмотря на запрет.

Катя скользнула по ним взглядом — и замерла.

Он был в центре компании.

Высокий. Рыжий — но не ярко-рыжий, а глубокий, медный оттенок, будто его волосы впитали в себя всё осеннее солнце. Короткая стрижка, лёгкая небритость на скулах. И глаза — зелёные, яркие, как изумруды.

Он смотрел прямо на неё.

Не на Лену, не на Диму. На неё.

Взгляд был тяжёлый. Не злой — другой. Пронзительный, изучающий, как будто он читал её насквозь и находил там что-то интересное.

Катя не могла отвести глаз. Внутри что-то сжалось, замерло — не сердце, что-то глубже, древнее. Она чувствовала его взгляд каждой веснушкой, каждым волоском на руках.

А потом — в одну секунду — всё изменилось.

Парень отвернулся. Его взгляд скользнул на девушку, которая шла рядом с ним — высокая брюнетка в чёрном пальто — и он улыбнулся ей. Мило. Тепло. По-свойски.

У девушки засветились глаза.

Катя почувствовала, как что-то больно сжалось в груди. «С чего вдруг? Я его вообще не знаю», — пронеслось в голове, но чувство не исчезло.

Компания прошла мимо.

Пахнуло табаком, дорогим парфюмом и чем-то ещё — неуловимым, как электричество перед грозой.

— Ты чего? — Лена тронула Катю за плечо. — Поблуднела вся.

— Всё нормально, — выдавила Катя. — Просто... холодно.

Она покосилась на Диму. Он тоже смотрел вслед компании, но лицо его было напряжённым.

— Ты его знаешь? — спросила Катя тихо.

— Нет, — ответил Дима слишком быстро. — И не хочу.

Лена удивлённо подняла бровь, но ничего не сказала.

Они пошли дальше. Катя обернулась один раз — компания уже сворачивала за угол, рыжая голова мелькнула в последний раз и исчезла.

«Странно», — подумала Катя. И постаралась забыть.

Ленин дом пах корицей, ванилью и чем-то шерстяным. Её комната была царством постеров, подушек и разбросанной одежды. На столе — два ноутбука, горки учебников и вчерашняя кружка с чаем.

— Давайте быстрее, — Лена разложила материалы. — Презентация на десять слайдов. Тема — «Социальные группы». Дима, ты умный, пиши текст. Катя, ты красивая, делай дизайн. Я буду говорить.

— Справедливо, — усмехнулся Дима, садясь за ноутбук.

Катя открыла программу и уставилась на пустой слайд.

Зелёные глаза. Тяжёлый взгляд. Улыбка брюнетке.

— Кать, — Лена щёлкнула пальцами перед лицом. — Ты где?

— Здесь. Всё, работаю.

Она выбрала шрифт, фон, добавила иконки. Дима набирал текст. Лена комментировала и иногда вставляла глупые картинки.

— Социальные группы бывают первичные и вторичные, — прочитал Дима вслух. — Примеры первичных: семья, компания друзей...

— Как наша, — вставила Лена.

— Как наша, — кивнул Дима.

Катя смотрела на экран, но видела перед собой рыжие волосы. «Кто он? Почему так смотрел? И почему мне не всё равно?»

— Катя, блин! — Лена стукнула её подушкой. — Ты на слайд вместо текста вставила какую-то цитату про любовь.

— Что? — Катя посмотрела на экран. И правда: вместо определения вторичной группы красовалась фраза «Любовь — это когда смотришь и не можешь насмотреться».

Дима хмыкнул.

— Это ты к проекту?

— Это я случайно, — Катя быстро удалила цитату, чувствуя, как щёки заливаются краской. — Работаем дальше.

К вечеру презентация была готова. Серая, скучная, но проходная.

— Главное, чтобы не вызвали к доске, — сказала Лена, закрывая ноутбук. — Всё, я спать. Идите домой, пока не стемнело совсем.

Дима и Катя вышли вместе.

Улицы уже зажгли фонари, воздух стал прозрачным и холодным. Дорога домой шла через тот же парк — другого пути не было.

— Как тебе сегодняшний день? — спросил Дима, поправляя куртку. Смоки мирно спал за пазухой.

— Нормально, — Катя пожала плечами. — Обычный день.

— Ты после встречи с той компанией как-то... задумчивая стала, — осторожно заметил Дима.

— Просто проект вымотал, — соврала Катя.

Она хотела спросить у Димы про рыжего — почему он так напрягся, откуда это «не хочу знать». Но не успела.

Впереди, на скамейке у фонтана, сидел кто-то один.

Они подошли ближе — и Катя узнала его.

Рыжий. Тот самый.

Он сидел, закинув ногу на ногу, в руке — телефон, на лице — лёгкая улыбка. Увидев их, он поднял голову.

— Привет, — сказал он спокойно, будто ждал.

Дима остановился как вкопанный.

— Ты... — начал он.

— Я, — парень встал. Оказался даже выше, чем казалось издали. Под два метра. — Извините, что пугаю. Меня Савелий зовут.

Он перевёл взгляд на Катю. Тот самый тяжёлый, пронзительный взгляд. Но теперь в нём не было холода.

— А тебя — Катя, — сказал он. Не спросил. Утвердил.

— Откуда ты знаешь? — выдохнула Катя.

— Город маленький, — Савелий улыбнулся краешком губ. — И ты... заметная.

Дима сделал полшага вперёд, заслоня Катю.

— Что тебе надо?

— Ничего страшного, — Савелий поднял руки в мирном жесте. — Просто увидел днём в парке. Захотел познакомиться.

ся. Это преступление?

— Ты выглядишь старше, — сухо сказал Дима.

— Мне девятнадцать. Я на первом курсе, учусь в областном центре, приехал на выходные, — Савелий говорил спокойно, без вызова. — Всё легально.

Он снова посмотрел на Катю.

— Дай свой айди в ВК. Напишу.

Катя молчала. Внутри всё кипело — страх, любопытство, непонятное волнение. Дима стоял рядом, напряжённый, готовый вмешаться.

Но Катя вдруг поняла, что не хочет, чтобы он вмешивался.

— Продиктуй, — сказала она, доставая телефон.

Дима дёрнулся, но промолчал.

Савелий назвал айди. Катя набрала, отправила запрос в друзья.

— Отлично, — он убрал телефон в карман. — Я напишу сегодня вечером. Не бойся, я не кусаюсь.

Он улыбнулся — на этот раз шире, почти по-доброму — и, не оглядываясь, пошёл в сторону выхода из парка.

Катя смотрела ему вслед, пока рыжая голова не скрылась за деревьями.

— Ты с ума сошла, — тихо сказал Дима.

— Почему?

— Ты его вообще не знаешь.

— А ты? — Катя посмотрела на друга. — Ты ведёшь себя так, будто знаешь. И молчишь. Что с тобой?

Дима отвернулся.

— Ничего. Пойдём, уже поздно.

Они пошли домой молча.

Катя сжимала телефон в кармане и ждала. Она не знала, что напишет этот странный рыжий парень с зелёными глазами.

Но была почти уверена — напишет.

Глава 3 Сообщение или объяснение

Вечером того же дня Катя сидела на кровати, обняв подушку.

Телефон лежал рядом. Экран погас, но она всё смотрела на него, будто это могло ускорить события.

«Савелий. Девятнадцать лет. Из областного центра. Приехал на выходные».

Всё, что она о нём знала. Плюс рыжие волосы и зелёные глаза, которые она уже начала рисовать в воображении, сама того не желая.

Телефон дрогнул.

Катя схватила его так быстро, что едва не уронила на пол. Сообщение от Савелия:

«Привет. Я обещал написать. Как дела?»

Просто. Спокойно. Без смайликов, без напора.

Катя выдохнула — оказывается, она задерживала дыхание — и начала печатать.

Катя: Привет. Нормально дела. А у тебя? Савелий: тоже нормально. Уже в гостинице, завтра утром обратно в область. Катя: Ты в гостинице живёшь? А разве у тебя здесь нет дома? Савелий: есть, но там родители. А мне нужно спокойствие — я пишу музыку по ночам. Катя: Ты музы-

кант? Савелий: А ты сомневаешься? Катя: не знаю. Ты не похож на музыканта. Савелий: А на кого похож? Катя: не знаю... На кого-то опасного. Савелий: ## Я не опасный. Просто рыжий.

Катя улыбнулась. Улыбнулась телефону, как дурочка.

Печатать было легко. Он не задавал глупых вопросов, не торопил, не лез с комплиментами. Просто разговаривал. Как будто они уже сто раз так делали.

Катя: Слушай, а ты знаком с Димой? Ты сегодня на него так посмотрел, когда мы встретились. И он на тебя. Савелий: Нет. Не знаком. Катя: точно? Савелий: Точно. Город маленький, но не настолько. Я его раньше не видел. А он меня? Катя: сказал, что не знает тебя. Савелий: ну вот и ответ. Просто у парня инстинкт сработал. Я же к тебе подошёл, не к нему. Катя: понятно... Просто странно. Савелий: В этом городе всё странно, Катя. Привыкай.

Она хотела спросить, что он имеет в виду, но в комнату без стука вошёл Максим.

— Ты чего не ужинала? Мама зовёт, — он бросил взгляд на её телефон. — С кем переписываешься?

— Ни с кем, — Катя инстинктивно прижала телефон к груди.

Максим прищурился.

— Да ну? — он шагнул ближе и, прежде чем Катя успела среагировать, заглянул в экран. — Савелий? Это кто?

— Друг, — соврала Катя.

Максим прочитал последние сообщения, и его лицо изменилось.

— Так это... — он замолчал, припоминая. — Это тот рыжий, который с гитарой в парке играет?

— Ты его знаешь? — Катя села ровнее.

— Знаю? Не то чтобы... — Максим сел на край её кровати. — Он местный музыкант. Часто играет в парке со своей группой. Они летом на набережной собирались, помнишь? Ещё девчонки визжали.

— Не помню, — честно сказала Катя.

— Ну, я его пару раз видел. Он вроде ничего, играет хорошо. Но старше нас. Девятнадцать, да? — Максим нахмурился. — А ты чего с ним переписываешься? Откуда вы вообще знакомы?

— Так, случайно, — уклончиво ответила Катя. — Он сам подошёл.

— Сам подошёл? — Максим посмотрел на неё с подозрением. — Кать, будь осторожна. Не все, кто играют на гитаре, — рыцари.

— Макс, мне завтра в школу, — перебила она. — Иди уже, я спать хочу.

Брат постоял секунду, будто хотел сказать ещё что-то, но махнул рукой и вышел.

Катя отключила звук, положила телефон на тумбочку и выключила свет.

Но заснула не сразу.

«Музыкант. Играет в парке. На него девчонки смотрят. Конечно, смотрят — с такой-то внешностью».

Она закрыла глаза и увидела зелёные его.

Прошло два дня.

Два обычных школьных дня с контрольными, дождём и Лениным щебетанием о новом тренде в тиктоке. Дима был молчаливее обычного, но Катя не приставала с вопросами.

В субботу утром она проснулась от солнца.

Октябрьское, тёплое, редкое — оно заливало комнату золотом. За окном не было дождя, ветер стих, и даже птицы, кажется, радовались.

Катя потянулась, взяла телефон — и замерла.

Сообщение от Савелия (8:47 утра):

«Встретимся»

Одно слово. Не вопрос, не предложение — утверждение.

Катя прочитала его пять раз. Сердце забилось быстрее.

Она написала: *«Когда?»*

Ответ пришёл через минуту: *«Через час. Я знаю одно кафе. Там почти никого не бывает по субботам. Пришлию локацию»*

Катя посмотрела на себя в зеркало. Растрёпанная, сонная, в старой футболке.

— Только не паниковать, — сказала она своему отражению.

Через сорок минут она была готова. Волосы уложены, макияж — лёгкий, почти незаметный, как будто «я вообще не

красилась, просто такая родилась». Свитер — тот самый, бежевый, «зефирный». Джинсы, кроссовки.

Максим ушёл к друзьям, родители на работе. Никто не задавал вопросов.

Кафе оказалось маленьким, почти спрятанным во дворах. Снаружи — вывеска без названия, внутри — пять столиков, приглушённый свет и запах свежесваренного кофе.

Людей действительно почти не было. Девушка за стойкой, пожилая пара у окна. И он.

Савелий сидел за дальним столиком, у стены. Простая тёмная футболка, джинсы, на запястье — кожаный браслет. Рыжие волосы чуть влажные, будто он только что из душа.

Он не смотрел в телефон. Он смотрел на дверь. Ждал её. Катя замерла на пороге.

Сердце колотилось где-то в горле. Ладони вспотели. Внутри всё сжалось от страха — «Зачем я пришла? Что я ему скажу? Вдруг он совсем другой в реале?»

Она хотела развернуться и уйти. А потом Савелий поднял голову и посмотрел на неё. Прямо. Спокойно. Те самые зелёные глаза — без тяжести, без холода. Тёплые, как-то солнце, которое разбудило её сегодня утром.

И Катя вдруг почувствовала, как страх уходит. Не сразу. Не резко. А мягко, как волна, которая накатила и отступила, оставив после себя тишину и покой. И что-то ещё — лёгкое, тёплое, похожее на радость.

Она улыбнулась — сама не заметила, как — и пошла к его столику.

— Привет, — сказал Савелий, когда она села напротив.
— Ты пришла.

— Ты сомневался? — спросила Катя, удивляясь своей смелости.

— Нет, — он качнул головой. — Не сомневался.

Подошла официантка. Катя заказала капучино, Савелий — чёрный кофе.

— Ты живёшь не в этом городе, — начала Катя, чтобы заполнить паузу. — Как ты узнал про это кафе?

— Я здесь вырос, — сказал он. — Переехал в область только после девятого класса. А это место знаю с детства.

— А почему ушёл?

— Родители развелись. Мама уехала, я с ней, — он говорил без надрыва, просто констатируя факт. — А бабушка здесь осталась. Я к ней приезжаю.

— Понятно, — Катя кивнула.

Принесли кофе. Катя сделала глоток, обожглась, поморщилась. Савелий усмехнулся.

— Не торопись. Кофе никуда не убежит.

Они говорили о простом. О музыке — он играл на гитаре и немного на пианино. Об учёбе — он учился на звукорежиссёра. О городе — он считал его скучным, но родным.

Катя смотрела на него и слушала. Голос у него был низкий, спокойный, немного хриловатый. Как будто он пел, да-

же когда просто говорил.

В какой-то момент она поймала себя на мысли, что ей совсем не страшно. И даже не волнительно. Просто хорошо. Как будто она сидит с другом, которого знает сто лет.

— Слушай, — вдруг сказала она. — Я хочу спросить.

— Спрашивай.

— Когда я зашла, мне было очень страшно. А потом я встретила с тобой взглядом — и вдруг успокоилась. Как ты это сделал?

Савелий отставил чашку.

— Что сделал?

— Ну... успокоил меня. Одним взглядом.

Он смотрел на неё секунду, другую. Потом уголки его губ дрогнули.

— Волшебство, — сказал он.

— Чего?

— Волшебство, — повторил он, и в его зелёных глазах заплясали искорки. — Я же рыжий. А рыжие — они магические. Ты разве не знала?

— Ты издеваешься, — Катя нахмурилась, но без злости.

— Немного, — он улыбнулся шире. — Просто ты сама успокоилась. Сама. Я тут ни при чём. Ты смелее, чем думаешь, Катя.

Она хотела возразить, сказать, что это не так, что она трусиха и паникёрша. Но он смотрел на неё так уверенно, что слова застряли в горле.

— Ладно, — сказала она вместо этого. — Пусть будет волшебство.

Савелий допил кофе и посмотрел на часы.

— Мне пора. Проводить тебя?

— Да, — кивнула Катя. — Если тебе по пути.

— По пути.

Они вышли из кафе. Солнце ещё светило, но уже не так ярко. Октябрь напоминал, что он — осень.

Савелий шёл рядом. Широкий шаг, но он специально замедлялся, чтобы Катя успевала. Не прикасался, не пытался взять за руку. Просто шёл. И этого было достаточно.

У её подъезда они остановились.

— Спасибо, — сказала Катя. — Мне понравилось.

— Мне тоже, — ответил Савелий. — Напишу.

Он развернулся и пошёл прочь, не оборачиваясь. Катя смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом.

Потом вздохнула, улыбнулась сама себе и потянулась к дверной ручке.

И тут услышала:

— КА-А-А-ТЯ!

Она обернулась.

Из-за угла дома вылетели двое. Лена — растрёпанная, с красными щеками, в накинутой на плечи кофте. И Дима — хмурый, с телефоном в руке, на котором, судя по всему, была открыта переписка с ней.

— Ты где была?! — закричала Лена ещё с десяти метров.

— Мы тебе полтора часа звоним! Ты не брала трубку! Не отвечала на сообщения! Мы уже хотели в полицию звонить!

— Я... — Катя растерянно похлопала по карманам. Достала телефон. Семь пропущенных от Лены, пять от Димы, три от Максима. Сообщения — штук двадцать. — Простите, я звук отключила...

— Отключила? — Дима подошёл ближе. Голос у него был жёсткий, незнакомый. — Ты встречалась с ним? С этим Савелием?

Катя молчала. И этого молчания хватило за ответ.

— Катя, ты вообще... — Лена выдохнула, пытаясь успокоиться. — Ты хоть понимаешь, как мы волновались? Ты ничего не сказала, не предупредила, трубку не брала!

— Я думала, вы на проекте сидите, — тихо сказала Катя. — Я не хотела...

— Не хотела что? — Дима смотрел прямо на неё. — Чтобы мы знали? Или чтобы мы тебя отговаривали?

Катя опустила глаза.

— Я просто выпила с ним кофе, — сказала она. — Всё. Ничего страшного.

— Ничего страшного, — повторил Дима. — Ладно.

Он развернулся и быстро пошёл прочь. Лена бросила на Катю растерянный взгляд и побежала за ним.

— Дима, подожди!

Катя осталась одна.

Она смотрела им вслед, сжимая в руке телефон, на кото-

рый так и не посмотрела. Внутри смешивались стыд, вина и капелька упрямства.

«Я просто выпила кофе», — повторила она мысленно. Но почему-то чувствовала, что всё только начинается.

Глава 4 Все скрытое, станет явью

После того дня в кафе Катя чувствовала себя так, будто идёт по тонкому льду.

Друзья отделились. Лена отвечала односложно, Дима вообще перестал писать первым. В школе они делали вид, что всё нормально, но между ними повисло что-то невидимое и тяжёлое.

Катя винила себя. Но не могла заставить себя пожалеть о встрече с Савелием.

Они виделись ещё два раза. Коротко. Он приходил после пар, они гуляли по парку, он играл ей на гитаре — старые песни, которые она не узнавала, но которые почему-то хотелось слушать вечно.

В его присутствии было легко. Мир становился мягче, краски — ярче, а собственные страхи — смешными.

Катя не замечала, как меняется сама. Как чаще смотрит в телефон. Как перестала спрашивать у Лены про тренды. Как Максим уже перестал задавать вопросы — просто смотрел на неё с непонятной тревогой.

Но в среду, после четвёртого урока, к ней подошёл Дима. Он был бледнее обычного. Под глазами — тени, будто не спал всю ночь.

— Нам нужно поговорить, — сказал он тихо. — Сегодня. После школы.

— О чём? — спросила Катя, хотя догадывалась.

— О Савелии. О том, кто он на самом деле, — Дима посмотрел ей прямо в глаза. — Приходи в парк. К старому фонтану. В пять.

И ушёл, не дожидаясь ответа.

Весь оставшийся день Катя не могла сосредоточиться.

«Кто он на самом деле?» — эта фраза стучала в голове, как молоток.

Она думала о зелёных глазах, о низком голосе, о том, как успокаивалось сердце от одного его взгляда. И впервые задумалась: а нормально ли это? Так — с первого взгляда? Так — полностью?

В пять она пришла в парк.

Старый фонтан давно не работал. Вокруг него стояли скамейки, покрытые мхом и временем. Дима сидел на дальней, сжавшись, как будто замёрз.

— Ты пришла, — сказал он, когда Катя села рядом.

— Ты сказал, что это важно, — ответила она. — Говори.

Дима молчал долго. Смотрел на сухие листья, которые ветер гонял по плитке фонтана.

— Помнишь, я говорил, что не знаю Савелия? — начал он. — Я соврал.

Катя напряглась.

— Я знаю его. Не лично, но знаю, кто он, — Дима повернулся к ней. — Катя, этот мир не такой простой, как кажется. Ты когда-нибудь чувствовала, что происходит что-то стран-

ное? Что за обычными вещами скрывается что-то ещё?

— Ты о чём? — голос Кати дрогнул.

— О том, что Савелий — не человек.

Она замерла.

— В смысле — не человек? Ты видел его. Он ходит, говорит, играет на гитаре...

— Он дух, Катя. «Дух контроля разума», — Дима произнёс это так спокойно, будто говорил о погоде. — Это не сказки и не мифы. Это реальность. Есть существа, которые живут среди нас. Они выглядят как люди, но у них есть способности.

— Какие способности? — прошептала Катя.

— Проникать в мысли. Внушать страх. Или... — Дима запнулся. — Эйфорию. Заставлять тебя чувствовать то, что нужно им. Он может зайти в твою голову, Катя. И ты даже не заметишь.

Катя почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Ты хочешь сказать, что всё, что я чувствую к нему... это не по-настоящему?

— Я хочу сказать, что ты должна быть осторожна, — Дима взял её за руку. — Я не знаю, зачем он рядом с тобой. Но это не просто так. Такие существа не появляются просто так.

— Откуда ты всё это знаешь? — Катя выдернула руку. — Ты — обычный школьник. Откуда тебе знать про духов и контроль разума?

Дима опустил глаза.

— Моя бабушка... она занималась этим. Она видела. И меня научила чувствовать. Я не такой, как все, Катя. Я вижу, когда рядом кто-то нечеловеческий. И Савелий... от него исходит странное. Ты не чувствуешь, потому что он на тебя воздействует.

Катя встала. Ей хотелось убежать, закричать, сказать, что Дима сошёл с ума.

Но внутри что-то ёкнуло.

««Волшебство»», — сказал он тогда в кафе. «Я же рыжий. А рыжие — они магические».

Она тогда посмеялась.

А теперь?

— Я проверю, — тихо сказала она. — Я спрошу у него сама.

— Катя, не надо...

— Надо, — отрезала она. — Если ты говоришь правду — он не сможет это отрицать. А если нет... значит, ты просто ревнуешь.

Дима посмотрел на неё с болью, но ничего не сказал.

Она ушла.

Вечером Катя долго сидела с телефоном в руке.

Пальцы дрожали. Она открыла диалог с Савелием. Написала, стёрла. Написала снова.

В конце концов отправила одно сообщение:

Катя: «Мне сказали, что ты не человек. Что ты дух контроля разума. Это правда?»

Ответ пришёл не сразу. Через пять минут. Катя смотрела на экран, не дыша.

Савелий: «Встретимся завтра. Всё расскажу. В парке у старого дуба. В шесть вечера.»

И всё.

Ни отрицания, ни подтверждения. Ни шуточки, ни «ты что, с ума сошла?».

Катя перечитала сообщение раз десять. Потом позвонила — трубку не взяли. Написала ещё раз — нет ответа.

Она не спала почти всю ночь.

Савелий пропал.

Не на день. На три.

Три дня Катя ходила в школу, как зомби. Проверяла телефон каждые пять минут. Писала ему — он не отвечал. Звонила — абонент был недоступен.

Она почти перестала разговаривать с Леной. На просьбы пойти куда-то отвечала «не могу, устала». На вопросы — «всё нормально». Максим пытался поговорить, но она захлопывалась, как раковина.

В голове крутилось одно: «Не человек. Дух. Контроль разума».

Она не знала, во что верить. Но знала одно: ей нужно увидеть его. Услышать объяснения.

Но он молчал.

В пятницу, когда уроки закончились, Катя медленно брела домой.

День был серый, холодный. Ветер срывал последние листья, и они кружились под ногами, как маленькие мёртвые птицы.

Она думала о Савелии. О том, что скажет, если он наконец объявится. О том, что Дима, возможно, просто сумасшедший.

А потом она увидела Лену.

Подруга сидела на лавочке у её подъезда. Одна. В лёгкой куртке, хотя было холодно. Лицо мокрое от слёз, глаза красные, плечи трясутся.

Катя ускорила шаг.

— Лена? Лена, что случилось?

Лена подняла на неё глаза — и Катя никогда не видела в них такого ужаса.

— Катя... — голос подруги сорвался. — Катя, там... на трассе... авария...

— Какая авария? — Катя села рядом, схватила её за холодные руки. — Говори нормально.

— Дима... его родители... — Лена всхлипнула, содрогнулась всем телом. — Они ехали из области. Грузовик вылетел на встречу. В лоб.

Катя перестала дышать.

— Их больше нет, — выдохнула Лена. — Обоих. А Дима... он в больнице. В реанимации. Говорят, очень плохо. Катя, он может не выжить.

Мир покачнулся.

Катя не помнила, как они поднялись в квартиру. Как Лена продолжала плакать, уткнувшись ей в плечо. Как она сама сидела, глядя в одну точку, и не могла выдать из себя ни звука.

Внутри всё онемело.

Дима — тот, кто предупреждал её, кто пытался защитить, кто спас котёнка, кто всегда был рядом — лежал в реанимации. А его родители...

Она взяла телефон. Дрожащими пальцами открыла диалог с Савелием.

Ни одного нового сообщения.

Она написала: *«Где ты?»*

Тишина.

«Пожалуйста, ответь. Мне очень нужно с тобой поговорить. Дима в больнице. Я не знаю, что делать».

Ничего.

Катя сжала телефон так, что побелели костяшки. В голове билась одна мысль, страшная, невыносимая:

«А вдруг Дима был прав? Вдруг Савелий — это не просто человек. И вдруг его появление и эта авария... как-то связаны?»

Она закрыла глаза. Внутри было пусто и холодно.

И только сердце стучало, как бешеное: «Дима, пожалуйста, только не умирай».

Глава 5 Первое декабря

Три недели.

Три недели серых стен, запаха антисептика и тихого писка приборов. Три недели ожидания, которое выматывает больше, чем бессонница.

Катя и Лена стали почти родными в больничных коридорах. Медсёстры узнавали их в лицо, кивали, когда они проходили к палате Димы. Врачи перестали говорить «приходите завтра» и начали просто молча отступать в сторону.

Дима лежал в реанимации. Не открывал глаза. Не шевелился. Только грудь медленно поднималась и опускалась — и это было единственным доказательством того, что он ещё здесь.

— Есть положительная динамика, — сказал лечащий врач на второй неделе. Молодой мужчина с усталыми глазами. — Организм борется. Мозг фиксирует активность. Но когда он очнётся — никто не скажет.

Никто не скажет.

Катя ненавидела эту фразу.

Смоки они забрали к себе в первый же день.

— Нельзя его одного, — сказала Лена, когда они стояли в пустой Диминой квартире. Котёнок сидел на подоконнике и смотрел на дверь, будто ждал, когда хозяин вернётся. — Он же живой. Ему нужно тепло.

Котёнок поселился у Кати. Мама сначала ворчала — «у нас своих забот хватает», — но Смоки быстро завоевал её доверие, потерявшись о ноги и громко замурлыкав.

Через три недели из крошечного комочка он превратился в поджарое создание с умными глазами. Серая шерсть блесла, лапы стали сильными, а характер — независимым. Но когда Катя доставала поводок (да, они приучили его к прогулкам), Смоки сам прыгал в сумку-переноску.

— Поехали к Диме? — спрашивала Катя.

Котёнок мяукал в ответ. Она воспринимала это как «да». В больнице Смоки вели себя тихо. Сидел на стуле у кровати, свернувшись клубочком, и смотрел на Диму своими голубыми глазами. Иногда подходил к руке, тыкался мокрым носом и ложился рядом.

— Он чувствует его, — говорила Лена. — Животные чувствуют.

Катя кивала. Но думала о другом.

Она почти перестала проверять телефон. Савелий не появлялся — ни в сообщениях, ни в реале. Она написала ему дважды — первый раз в тот страшный вечер, второй — через неделю. Тишина.

«Испугался? Уехал? А вдруг Дима был прав, и он действительно что-то с ними сделал?»

Она отгоняла эти мысли. Но они возвращались.

Лена ничего не спрашивала про рыжего. Она вообще стала тише. Меньше болтала про тренды, меньше смеялась.

Иногда Катя ловила её взгляд — испуганный, потерянный — и понимала, что они обе держатся из последних сил.

А потом пришёл декабрь.

За окном больницы случился снег. Не тот мелкий, осенний, который тает, не долетев до земли. Настоящий. Белый. Пушистый. Он укрыл крыши, машины, скамейки в больничном дворе и заставил мир замолчать.

Первого декабря Катя вышла из дома раньше обычного.

Сегодня было какое-то особенное утро. Тишина на улицах стояла такая, что слышно было, как снежинки касаются земли. Настроение — странное, тревожное и одновременно светлое.

«Сегодня что-то случится», — подумала Катя. — «Хорошее или плохое — не знаю. Но что-то случится».

Она шла по тротуару, вдыхая морозный воздух, и думала о Диме. Каждое утро она думала о Диме.

— Катя.

Голос — низкий, чуть хриловатый, знакомый до мурашек — разорвал тишину.

Она замерла.

На скамейке, присыпанной снегом, сидел он. Тёмная куртка, джинсы, на плече — гитара в чехле. Рыжие волосы чуть длиннее, чем три недели назад. Зелёные глаза — уставшие, но тёплые.

Савелий.

Он встал. Сделал шаг к ней. Снег хрустел под ботинками.

— Прости меня, — сказал он. — Я пропал. Неполладки были. Я не мог выйти на связь.

Катя стояла, не двигаясь. Внутри бушевал ураган. Она хотела закричать, броситься на него с кулаками, спросить, где он был, когда Дима умирал, когда она сходила с ума от неизвестности.

Но вместо этого она почувствовала, как страх уходит.

Как в тот раз, в кафе. Медленно, мягко, волной. И на его место приходит что-то тёплое, светлое — почти радость.

«Волшебство», — пронеслось в голове. — «Или контроль разума?»

Она не знала. И в этот момент ей было всё равно.

— Савелий, — выдохнула она. — Где ты был? Три недели...

— Не мог вернуться, — он сжал губы. — Я не хотел тебя бросать. Поверь.

— А я должна верить?

— Должна? Нет, — он покачал головой. — Но я прошу. И я всё объясню. Не сейчас, но объясню.

Катя посмотрела на него. На зелёные глаза, на снежинки, которые таяли в его волосах, на его серьёзное, уставшее лицо.

— Дима в больнице, — сказала она тихо. — Три недели в коме. Его родители погибли.

— Я знаю, — Савелий опустил голову. — Мне жаль. Правда жаль.

— Ты... — Катя замялась. Вопрос, который мучил её всё это время, наконец сорвался с губ. — Дима сказал, что ты не человек. Что ты дух контроля разума. Что ты можешь влиять на мысли. Это правда?

Савелий молчал долго. Снег падал на его плечи, на гитару, на ресницы.

— Правда, — сказал он наконец. — Я не человек. Не полностью.

Катя почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Но я не делал этого с Димой, — быстро добавил он. — Клянусь. Я не имею отношения к той аварии. Я бы никогда...

— Откуда мне знать? — голос Кати дрогнул.

— Ниоткуда, — честно ответил Савелий. — Ты можешь мне не верить. Но я обещаю помочь.

— Помочь? Чем?

— Димой. Его разумом, — Савелий посмотрел на неё в упор. — Я могу влиять на мысли, да. Но разум человека — удивительная штука. Он способен восстанавливаться сам. Иногда ему просто нужен... толчок. Маленький импульс.

— Ты можешь его вытащить? — Катя схватила его за руку. — Ты можешь заставить его очнуться?

— Я могу попробовать, — осторожно сказал Савелий. — Но ты должна быть рядом. И ты должна верить.

— Верить во что?

— В то, что он очнётся, — Савелий накрыл её ладонь своей. Рука у него была холодная. — И в то, что я не враг.

Катя смотрела на него. Снег падал между ними, белый, чистый, как новый лист.

— Пойдём, — сказала она. — Пойдём в больницу.

Они шли молча.

Катя не знала, что чувствует. Страх? Надежду? Безумие? Рядом с Савелием всё смешивалось в один коктейль, от которого кружилась голова.

«Он признался. Сказал, что не человек. И я не убежала. Я иду с ним в больницу, к Диме. Что со мной не так?»

Но ноги несли её вперёд.

В больничном коридоре было тихо. Лампы горели тускло, дежурная медсестра дремала за стойкой. Катя провела Савелия к палате Димы, не встретив никого.

Лена сидела на стуле у кровати, положив голову на сложенные руки. Она спала. Смоки свернулся у Димы под боком, серым клубком.

— Тихо, — прошептала Катя.

Савелий подошёл к кровати.

Он смотрел на Диму долго. Лицо его было непроницаемым — ни жалости, ни радости, ни страха. Просто концентрация. Как будто он слушал что-то, что другие не слышат.

Катя стояла у двери, затаив дыхание.

Савелий поднял руку — и замер на секунду. Потом медленно, очень медленно, провёл ладонью над лицом Димы. Не касаясь. В паре сантиметров.

Воздух в комнате вдруг стал плотным. Тяжёлым. Катя по-

чувствовала, как волосы на руках встали дыбом.

Савелий убрал руку. Сделал шаг назад.

— Всё, — сказал он тихо. — Я сделал, что мог.

— И что теперь? — прошептала Катя.

— Теперь ждать. Несколько минут. Или часов. Я не знаю.

Он повернулся к ней. В его глазах была усталость — нечеловеческая, древняя.

— Я выйду. Побудь с ним. Когда он очнётся — он будет напуган. Ему понадобится знакомое лицо.

— Ты уходишь?

— Я рядом. Но не здесь, — Савелий кивнул на дверь. — Позови меня, если понадобится.

Он вышел в коридор. Катя слышала, как затихают его шаги.

Она села на край кровати. Смоки поднял голову, посмотрел на неё умными глазами и снова уткнулся носом в Диму.

— Дима, — сказала Катя вслух. — Ты слышишь меня? Пожалуйста. Пожалуйста, возвращайся. Смоки тебя ждёт. Лена ждёт. Я...

Она не договорила.

Пальцы Димы дрогнули.

Сначала Катя подумала, что ей показалось. Но потом — снова. Лёгкое, едва заметное движение.

— Дима? — голос её сорвался.

Ресницы дрогнули. Медленно, с усилием, будто поднимая неподъёмную тяжесть, Дима открыл глаза.

Мутные, непонимающие. Без фокуса.

Он посмотрел в потолок. Потом повернул голову — так медленно, что Катя слышала, как хрустнули позвонки.

И увидел её.

— Катя? — голос был чужим, хриплым, едва слышным.

— Ты... здесь?

Слёзы хлынули сами собой. Катя схватила его за руку — тёплую, живую — и заплакала. Навзрыд, не стесняясь, не вытирая лица.

— Ты живой, — выдохнула она. — Ты живой, дурак.

Дима слабо сжал её пальцы.

— А где... родители? — прошептал он. — Они... придут?

Катя замерла.

Она не знала, что ответить. Не знала, можно ли сейчас. Не знала, как сказать правду человеку, который только что вернулся с того света.

Она посмотрела на дверь. Там, в коридоре, стоял Савелий. Рыжий силуэт за матовым стеклом.

«Теперь он очнулся. А что дальше?»

Катя сжала руку Димы и заплакала ещё сильнее.

Глава 6 Новый год, новые проблемы

Декабрь летел стремительно.

Дни сливались в один калейдоскоп: школа, больница, школа, короткие прогулки, снова больница. А потом — выписка.

Дима вернулся домой за неделю до Нового года.

Бабушка, маленькая сухонькая женщина с цепкими глазами, приехала на третий день после аварии и больше не уезжала. Она заняла родительскую спальню, сварила борщ, перестирала шторы и, кажется, заставила самую смерть отступить.

— Он будет жить, — сказала она Кате, когда та пришла проводить друга. — Я не для того его растила, чтобы хоронить.

Дима был слаб. Ходил с тростью, быстро уставал, иногда подолгу смотрел в одну точку. Но он улыбался. И Смоки, который уже превратился в крупного серого кота, не отходил от него ни на шаг.

— Ты только посмотри, — говорил Дима, глядя кота. — Помнишь, я нашёл его котёнком? А теперь он меня спасает.

Катя кивала. И думала о том, как странно устроен мир.

Савелий начал появляться чаще.

Он приходил после пар, гулял с компанией, помогал Диме

ходить по снежным улицам. Никто не задавал вопросов — Лена молчала, Дима молчал, Катя тоже.

Но молчание это было тяжёлым.

Однажды, когда они втроём пили чай в Диминой кухне, Савелий вдруг сказал:

— Вы знаете, кто я. Но вы всё равно рядом.

Дима посмотрел на него долгим взглядом.

— Я не забыл, что ты сделал, — сказал он тихо. — Ты залез в мою голову. Я чувствовал.

— Я помог тебе очнуться, — спокойно ответил Савелий.

— Я не просил.

— А Катя просила.

Они посмотрели друг на друга. Катя замерла, боясь пошевелиться.

— Ладно, — Дима отвёл глаза первым. — Война войной, а Новый год по расписанию. Будем праздновать.

Савелий кивнул. Катя выдохнула.

Город преображался на глазах.

На центральной площади поставили огромную ёлку — настоящую, пахнущую хвоей и морозом. Дома увешали гирляндами, в витринах магазинов горели огни, а по вечерам воздух пах мандаринами и корицей.

Катя любила это время. Всегда любила. Но в этом году к привычному предвкушению примешивалось что-то ещё — тревожное, сладкое, непонятное.

Савелий гулял с ними всё чаще. Он нёс пакеты, шутил,

иногда играл на гитаре в парке, собирая маленькую толпу. Лена уже не шарахалась, Дима перестал сверлить его взглядом.

Они стали компанией. Настоящей. Четыре человека и один кот.

А потом, двадцать восьмого декабря, когда они шли домой из кино, Савелий отстал на несколько шагов, а потом догнал Катю и тихо сказал:

— Мне нужно тебе кое-что сказать. Наедине.

Сердце ухнуло вниз.

— Прямо сейчас? — спросила она.

— Нет. Завтра. У фонтана. В пять.

Он улыбнулся — мягко, почти робко — и ускорил шаг, догоняя Лену и Диму.

Катя всю ночь не спала.

Фонтан замёрз.

Старый, давно не работающий, он превратился в белую чашу, полную снега. Вокруг горели фонари, и их свет делал сумерки золотистыми.

Савелий ждал на скамейке.

— Привет, — сказал он, когда Катя села рядом. — Спасибо, что пришла.

— Ты сказал «нужно». Я пришла.

Он молчал. Смотрел на ёлку, которая виднелась вдалеке, на огоньки, на падающий снег.

— Катя, — начал он тихо. — Я не человек. Ты знаешь.

Я могу влиять на мысли, на чувства. Я могу заставить тебя полюбить меня. Могу заставить бояться. Могу сделать так, что ты забудешь, как меня зовут.

Катя замерла.

— Но я не хочу, — он повернулся к ней. — Я не хочу тебя заставлять. Ни к чему. Поэтому я сейчас скажу то, что чувствую. А ты решишь сама.

— Что ты чувствуешь? — голос Кати дрогнул.

— Ты мне нравишься, — сказал Савелий просто. — Очень. Не потому, что я могу на тебя влиять. А потому, что ты — это ты. С веснушками. С вечными сомнениями. С этой твоей бежевой кофтой, в которой ты похожа на зефирку.

Катя невольно улыбнулась.

— И я хочу, чтобы мы встречались, — продолжил он. — По-настоящему. Как парень и девушка. Если ты, конечно, согласна.

Она смотрела на него. На зелёные глаза, на рыжие волосы, на снежинки, которые таяли на его ресницах.

Внутри боролись два чувства: одно — лёгкое, тёплое, которое хотело крикнуть «да» прямо сейчас. И другое — холодное, липкое, которое шептало: «Он не человек. Он может управлять тобой. Ты сама не своя рядом с ним. Это не любовь. Это контроль».

— Я.... — она отвела взгляд. — Савелий, я не знаю.

— Ты не знаешь — да или не знаешь — что ответить?

— Не знаю, боюсь ли я тебя. «Или ты мне действительно-

но нравишься», — честно сказала Катя. — Рядом с тобой мне всегда спокойно. Хорошо. Слишком хорошо. А потом я вспоминаю, что ты сказал про себя. И мне становится страшно.

— Бояться нормально, — тихо ответил Савелий. — Я не обижаюсь.

— И ещё экзамены, — добавила Катя. — Выпускной. Я не знаю, куда поступать. У меня голова и так идёт кругом, а тут ещё...

— Я понимаю, — он кивнул. — Ты не готова.

— Я не говорю «нет», — быстро сказала Катя. — Я говорю — дай мне подумать. Пожалуйста.

Савелий посмотрел на неё долгим взглядом. Потом улыбнулся — той самой улыбкой, от которой у неё всегда теплело внутри.

— Хорошо. Думай. Я подожду.

Он встал, отряхнул снег с куртки.

— Пойдём, провожу тебя до дома. А то замёрзнешь.

Они пошли рядом. Снег скрипел под ногами. Катя чувствовала тепло его плеча через куртки и думала о том, что, возможно, совершает самую большую глупость в своей жизни.

Но почему-то улыбалась.

Тридцатого декабря они договорились встретиться у торгового центра.

Нужно было купить подарки: Лене — что-то красивое,

Диме — тёплый шарф (бабушка просила), Максиму — книгу по физике (Катя понятия не имела, какую, но обещала спросить у брата), Савелию... Савелию Катя хотела купить что-то сама. Просто так. В знак того, что она думает.

— Встречаемся у центрального входа в три, — написала она в общий чат.

Лена ответила смайликом. Дима — «ок». Савелий — «жду».

В три часа у центрального входа былолюдно. Гирлянды, ёлка, Дед Мороз с детьми. Лена уже стояла на месте, переминаясь с ноги на ногу.

— Дима пришёл, а Савелия нет, — сказала она, кивнув в сторону.

Дима стоял у колонны, опираясь на трость. В новой тёмно-синей куртке, похудевший, но живой. Смоки, конечно, остался дома.

— Савелий написал что-нибудь? — спросил Дима.

Катя проверила телефон. Последнее сообщение было от него: «Выхожу». Два часа назад.

— Не отвечает, — она нахмурилась. — Странно.

— Может, задержался, — пожала плечами Лена. — Пойдём без него? Вдруг догонит.

Они пошли втроём.

Внутри торгового центра было шумно и празднично. Катя купила Лене огромный розовый шарф — «чтоб тебя было видно из космоса». Лена в ответ выбрала Кате набор блесков

для губ.

— Ты же любишь нежный макияж, — сказала она. — Вот. Чтоб ты была зефиркой даже на экзаменах.

Катя рассмеялась. Дима купил шарф для себя (бабушка одобрила выбор) и долго стоял у витрины с музыкальными инструментами, но так ничего и не выбрал.

— Не знаю, что ему подарить, — сказал он тихо, имея в виду Савелия. — Что дарят духам?

— Не знаю, — так же тихо ответила Катя. — Но я купила ему браслет. Простой. Кожаный.

Дима посмотрел на неё долгим взглядом, но ничего не сказал.

Лена отошла в туалет, оставив их вдвоём у огромной ёлки в центре холла.

Огоньки мигали. Играла тихая музыка. Люди проходили мимо с пакетами и улыбками.

— Катя, — вдруг сказал Дима.

Она повернулась к нему.

Он стоял, опираясь на трость, и смотрел серьёзно. Без улыбки. Без привычной лёгкости.

— Я хочу тебе сказать кое-что, — голос у него был ровный, но Катя почувствовала, как он напряжён. — Я думал об этом всё время, пока лежал в больнице. Пока не знал, выживу или нет. И понял одну вещь.

— Какую? — тихо спросила Катя.

— Я не хочу жалеть о том, что не сказал, — Дима сделал

шаг вперёд. — Катя, ты мне нравишься. Давно. Ещё до всего этого. До Савелия, до аварии, до всего. Ты мне просто нравишься. И я хотел, чтобы ты знала.

Катя замерла.

Она смотрела на Диму — высокого, красивого, с тёмными волосами и карими глазами. Первого красавчика школы. Парня, который спас котёнка, который выжил после страшной аварии, который всегда был рядом.

И не знала, что сказать.

А потом она почувствовала чужое присутствие за спиной. Холодный воздух. Запах снега и чего-то неуловимого — электрического, острого.

Она медленно обернулась.

Савелий стоял в трёх шагах позади неё. В чёрной куртке, без шапки, с рыжими волосами, присыпанными снегом. Он смотрел на Диму.

Лицо его ничего не выражало.

— Привет, — сказал Савелий спокойно. — Я не опоздал?

Катя переводила взгляд с одного на другого. Дима сжал трость так, что побелели костяшки. Савелий стоял неподвижно, как статуя.

Вокруг мигали огоньки, играла музыка, люди смеялись и покупали подарки.

А она стояла между ними и чувствовала, как мир снова раскалывается надвое.

— Я.... — начала она.

— Ты сказала, что подумаешь, — перебил её Савелий тихо. — Я помню. Я не требую ответа сейчас.

Он перевёл взгляд на Диму.

— Но и ты не требуй, — добавил он. — Она сама решит. Дима молчал. В его глазах горело что-то — боль, злость, отчаяние.

Лена вышла из туалета, увидела их троих, замерла и сразу всё поняла.

— Ой, — сказала она тихо. — Я, наверное, ещё помыть руки схожу.

И исчезла.

Катя стояла посреди торгового центра, под огромной ёлкой, под мигающими огоньками, и не знала, куда смотреть. На Диму, который признался ей в любви. Или на Савелия, который ждал её ответа.

Снег падал за огромными окнами. Кто-то смеялся. Дед Мороз крикнул: «С Новым годом!»

А она просто стояла и молчала.

Потому что не было слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.